

the 3rd Congress of ethnographers and anthropologists of Russia in June, 1999 and published in the journal «Ethnographical Review» No. 1, 2000.

The article's author criticizes some of the statements made by V.A. Tishkov and drawing on numerous statistical and other data investigates the demographic processes taking place in Russia today. He comments on the reality of a demographic crisis in the country and on the necessity of working out and bringing into life a social demographic policy as aimed to holt the process of dying out of the Russians.

© 2000 г., ЭО, № 6

А.А. Ткаченко

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное состояние социальной сферы в России определяется целым рядом факторов, одни из которых действуют положительно, другие – отрицательно. Среди последних экономический кризис 1990-х годов скорее всего не играет основной роли. Начало перехода России к рыночной экономике совпало по времени, во-первых, с распадом СССР, во-вторых, почти одномоментным разрывом народнохозяйственных связей между бывшими союзными республиками, имевших для российской экономики огромное значение, в-третьих, более длительным (по сравнению с большинством стран с переходной экономикой) спадом производства практически во всех отраслях и, в-четвертых, экономическим кризисом. Последний перерос в социально-экономический, а после кратковременной «передышки» в 1997 г. стал, по трактовке большинства исследователей, системным кризисом российского общества.

Ряд исследователей, дискутирующих на тему: «Грозит ли России распад, аналогичный исчезновению Союза?», выдвигают тезис о большей этнической однородности РФ по сравнению с СССР. Они даже относят Российскую Федерацию, как и Т. Грэхем из Фонда Карнеги за международный мир¹, к этнически однородным государствам. Обычно в качестве аргументов используются количественные параметры: рост доли русских до 82% в населении России по сравнению с 50-процентной долей русских в населении СССР, доли мусульман в населении – 18 и 8% соответственно и т.п. При этом все расчеты и ссылки даются на основе переписи населения 1989 г., которая до сих пор остается единственным источником наших «этнонациональных знаний» в постсоветской России, хотя прошедший 10-летний период – явление в плане перемещения этносов по территориям постсоветских государств в новейшей истории беспрецедентное. В данной статье мы затронем некоторые аспекты этносоциального развития страны в эпоху упадка и возможности социального возрождения ее населения.

Уже 1992 г. – первый год существования нового государства – привел к резкому снижению уровня жизни большинства населения при отсутствии не только эффективной, но и достаточно ясно сформулированной, в том числе для населения, социальной политики по демпфированию негативных социальных последствий кризиса. В 1992 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума была максимальной (более трети всего населения). Эта доля за весь период 1990-х годов не опускалась, по данным официальной статистики, ниже 20%, а в конце 1998 – начале 1999 г. в связи с августовским кризисом она вновь значительно возросла – до 37,7%, превысив в марте 1999 г. даже уровень 1992 г.²

Незначительное улучшение ситуации в отдельных составляющих социальной сферы произошло лишь во второй половине 1996 г., а итоги 1997 г. даже позволяли надеяться на возврат социальной динамики к тенденции роста: стал низким индекс роста

потребительских цен, возросли реальные денежные доходы населения, впервые не сократился валовой внутренний продукт, уменьшились уровень такого индикатора социального развития, как младенческая смертность, а также численность работавших неполное рабочее время по инициативе администрации и при этом пропорционально не возросла безработица и т.д.

В 1998 г. динамика социально-экономического развития оказалась неожиданностью для большинства аналитиков. Многие важнейшие показатели социальной жизни российского общества стали ухудшаться с начала года: реальная заработная плата, реальные доходы (в июне 1998 г. они составили лишь 85% от июня предыдущего года), рост задолженности по оплате труда. А августовский кризис в финансово-денежной сфере резко усилил эти тенденции и ухудшил уровень жизни населения, возможности развития социальной сферы и перспективы осуществления уже принятых социальных программ.

Сократились такие важные общеэкономические показатели, влияющие или определяющие развитие социальной сферы, как валовой внутренний продукт, объем продукции промышленности, сельского хозяйства, розничного товарооборота, инвестиции в основной капитал. Уменьшение реальной заработной платы на 40% (за 12 мес., по сравнению с декабрем 1997 г.), рост задолженности по выплате заработанных денег в 1,5 раза, а в отраслях социальной сферы – в 3 раза, вызвали падение уровня жизни абсолютного большинства населения³, и ситуация стала социально опасной для развития общества.

В данной статье проблемы социального развития и социальной политики будут рассмотрены прежде всего применительно к автономиям и некоторым республикам, так как именно в них наблюдается самый низкий уровень жизни населения и неблагоприятные показатели социального, демографического и социально-экономического характера.

Социальная политика в Российской Федерации

Указанные выше тенденции и явления, прежде всего первой половины 1990-х годов, как опасные для стабильности уже самих основ общества не могли не осознаваться правительством. Именно поэтому в 1996 г. была разработана и принята Программа социальных реформ на период 1996–2000 гг. Однако уже сам процесс принятия этой программы, в которой среди главных приоритетов социальной политики выделялись шесть основных целей, свидетельствовал об определенной слабости и непоследовательности позиции государственных структур.

Необходимость государственной социальной политики декларировалась в течение всего существования Российской Федерации как нового молодого государства. Так, в Основном законе (Конституции) РФ от 1995 г. в п. 1 ст. 7 говорится о социальном государстве, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Также постоянно в средствах массовой информации и официальных документах дискутировался вопрос о важности перехода к активной социальной политике, в том числе по следующим основным направлениям: 1) демографическая политика, необходимость которой прежде всего связана с резким ухудшением демографической ситуации в первой половине 1990-х годов; 2) политика занятости и политика на рынке труда, в фундаменте которых лежит улучшение положения в социально-трудовой сфере, в том числе предотвращение роста безработицы; 3) политика доходов населения и борьба с широко распространившейся бедностью и угрозой социально опасного уровня дифференциации доходов населения; 4) миграционная политика в стране с сотнями тысяч беженцев, перемещенных лиц и феноменом внутренних «беженцев – вынужденных переселенцев»; 5) политика противодействия межэтническим конфликтам и т.д.

Необходимость подобной социальной политики, когда социальное не отождествляется с общественным и не является всеобъемлющим понятием, а как бы находится в

диалектической противоположности экономическому, была осознана нашим обществом совсем недавно. В недалеком прошлом понятие «социальная политика» отсутствовало в «Философском энциклопедическом словаре» и «Советском энциклопедическом словаре», несмотря на то, что такая важнейшая форма социальной политики, как социальное действие, присутствовала во всех изданиях советского периода.

Разумеется, ни о какой национальной политике в «Советском энциклопедическом словаре» не могло быть и речи, так как его авторы утверждали, будто национальный вопрос в СССР решен и, по-видимому, как предполагалось, раз и навсегда⁴. В постперестроечный период Россия приступила к решению национальных проблем с эффективных и резонансных шагов – принятия в апреле 1991 г. Закона о реабилитации репрессированных народов, а в мае 1992 г. указа о создании в Поволжском регионе поселений российских немцев и т.д.

К сожалению, затем наступил период медленного, если не сказать **слишком** медленного, воплощения этих законодательных актов, когда требуется кропотливая исполнительская работа. Так, постановление правительства по вопросам Ассоциации автономных округов вышло лишь через 14 мес. после соответствующего президентского указа; концепция государственной национальной политики была утверждена только накануне президентских выборов 1996 г., а постановление правительства о ее реализации – спустя 8 мес. и т.п.

Тем не менее можно сказать, что этнонациональным проблемам в какой-то мере «повезло»: месяцы выборной президентской кампании были весьма «урожайными» на выход различных законов, указов и подзаконных актов. Вместе с тем это вызывало по меньшей мере несогласованность, а то и противоречивость в текстах принимаемых документов: например, очевидна сопряженность федерального закона «О национально-культурной автономии» и Основных положений региональной политики, утвержденных президентом в июне 1996 г.

Большинство мер, предпринятых в рамках социальной политики в 1990-е годы, оказались направлены на отдельные слои, общественные институты, например, семью или в лучшем случае на все социально слабо защищенные слои населения без учета или даже при игнорировании интересов других социальных сил и, как представляется, этнического фактора прежде всего, что более чем опасно в столь полинациональном обществе. Меры социальной и национальной политики не согласовывались между собой и во времени. Так, отсутствовал этнический фактор в собственно социальных программах, например, в социально-трудовой сфере, где никак не отражаются интересы и специфика малых этнических групп, хотя это и предусмотрено конвенциями МОТ. В результате столкновение «интересов» принятых социальных программ было неизбежно и приводило к постоянным провалам в социальной политике.

Программа социальных реформ стала первой попыткой объединения отдельных направлений социальной политики во взаимоувязанное целое, осуществления социальных реформ в целях приведения социальных институтов и социальной политики в соответствие с новой экономической системой, выделения главных целей и приоритетных направлений в результате пересмотра иерархии социальных ценностей в условиях весьма ограниченных в течение длительного периода возможностей и средств у государства. Программа была рассчитана на 1996–2000 гг., но принята только летом 1996 г. Поспешность ее принятия, а может быть и более глубинные факторы вызвали «игнорирование» этносоциокультурного аспекта как в постановке задач, так и в целях программы.

Этнос в социальной жизни

Социальная жизнь Российской Федерации определяется во многом ее статус-кво как объединения почти двух сотен этнокультурных общностей. Чем более многообразен объект, тем бережнее, трепетнее должно быть и отношение к нему. События уходя-

шего XX в. дали миру и нашей стране примеры как сохранения, развития этих общностей – создание алфавитов, литературных языков у многих народов и т.п., так и варварского подхода, попыток уничтожения общностей, включая «юридическую» ассимиляцию, насильственную депортацию, принудительное улучшение, с точки зрения принимавших решение, расселения малочисленных народов и т.д. Несмотря на несколько фундаментальных энциклопедических изданий последнего времени («Народы России. Энциклопедия». 1994; «Народы и религии мира. Энциклопедия». 1998) и постоянный интерес к этнокультурным проблемам, прежде всего национальных меньшинств (например, обзор законов и нормативных актов XIX-XX вв. «Коренные народы России», подготовленный в 1995 г. Комитетом по делам национальностей Государственной Думы), категории и понятия из сферы этносоциального развития остаются вне поля зрения справочно-информационной литературы. Поэтому особое значение имеет выпуск первой в нашей истории российской «Социальной энциклопедии» (издательство «Большая российская энциклопедия», 1999). Такие важные понятия, как «депортация народов», «коренное население», «межнациональный брак», «национальная политика», «религиозный состав населения», «этнический состав населения» в России, рассмотрены в этом издании с позиции процесса социального развития – как прогресса, так и регресса.

В конце 1980-х годов ведомствами стала разрабатываться минимальная потребительская корзина для определения прожиточного минимума как населения в целом, так и отдельных социально-демографических групп. Важнейшая составная часть этой корзины – продуктовый набор, который у бедного населения составляет около двух третей всех расходов, а кроме того, определяет физические возможности существования. В то же время были представлены для всеобщего пользования бюджетные обследования доходов и расходов семей, раскрывающие структуру продовольственной корзины всех доходных групп и всех домашних хозяйств в среднем. Эти корзины отражают и пищевую культуру различных групп, связанную с рангами социальных категорий людей, их пищевыми предпочтениями и привычками.

Все бюджетные обследования, к сожалению, не содержат каких-либо данных в национальном разрезе, хотя первые бюджетные обследования в нашей стране, например нефтепромышленных рабочих⁵, непременно включали данные по крайней мере о самых крупных по численности национальностях. В этой связи разработчики минимальной потребительской корзины предложили провести специальное обследование фактического потребления малочисленных народов Севера и разработать для них «национальные» потребительские корзины. Специалисты Минтруда СССР предприняли в 1990-1991 гг. несколько командировок в места расселения этих коренных народов, но встретили, мягко говоря, непонимание со стороны российского Минтруда и местных властей, уже тогда своеобразно понимавших суверенитет, и не смогли получить поддержки со стороны известного депутата Е. Гаер, хотя сама идея была признана заслуживающей внимания.

В определенной мере этот пробел могла бы возместить предполагавшаяся в 1999 г. перепись населения, программа которой включает учет населения отдельных национальностей по источникам средств существования. Данные новой переписи могли бы стать основой для выборочных бюджетных обследований семей по национальному признаку, если на это найдутся средства. Средств не нашлось даже на проведение первой всеобщей переписи населения новой России, хотя отсутствие основы (перепись 1989 г. уже не может нести эту функцию) для любых выборочных обследований, позволяющей их результатам быть репрезентативными, потребует и прямо, и косвенно значительно больших затрат в последующие годы.

Наша страна остается многонациональным федеративным организмом, на территории которого живут малочисленные этносы, но которая до сих пор не ратифицировала Конвенцию МОТ (№ 169) «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни» (1989 г.), хотя социально-демографическое развитие этих этносов уже давно поставило вопрос об их выживании⁶.

Социальное развитие малых этнических общностей, ведущих резко отличный от основного окружения образ жизни, – очень сложный, противоречивый процесс, подход к оценке которого должен быть достаточно тонким. Более общее понятие их качества жизни, включая как важнейший элемент сохранение привычной среды обитания, что в течение десятилетий игнорировалось российской социальной практикой, должно являться одной из важнейших социальных характеристик нашего общества в целом. Мы говорим «должно», так как имеющаяся статистика не позволяет этого сделать и, судя по отношению властей к переписи 1999 г., не может совершенствоваться.

Как ныне хорошо известно, попытки ускоренного, неэволюционного перевода народов России, ведущих полукочевой образ жизни, например северных народов, хозяйство которых основано на оленьих стадах, к другому образу жизни приводили не к социальному прогрессу в их развитии, как ожидалось, а к многочисленным проявлениям деградации, вызвавшей в том числе и кризис в их демографическом воспроизводстве. Любая же ассимиляция, даже ненасильственного, а как бы неизбежного, объективного характера, означает безвозвратную утрату многообразия – одного из главных богатств и источников развития и в конечном счете исключение из социального прогресса, последствия которого могут оценить лишь потомки.

Точные данные об этническом составе населения страны могут дать только специальные сплошные обследования населения (домохозяйств), которые в течение многих десятилетий в России не проводились, и, разумеется, данные общей переписи населения, последняя из которых состоялась еще в границах СССР. Отнесение планировавшейся на 1999 г. переписи населения на неопределенное будущее делает невозможным учет этнокультурного фактора в социальной политике. И данные об итогах этнодемографического развития нашей страны будут и в начале следующего столетия даваться только в виде экспертных оценок.

Мы также лишены возможности точной количественной оценки этнического разреза миграции, в то время как наша страна испытала в 1990-е годы невиданные в новейшей истории приливы волн вынужденной, недобровольной миграции, значительная часть которой была вызвана межнациональными конфликтами, и, следовательно, потоки беженцев характеризовались прежде всего по этническому признаку.

Социальное развитие субъектов Российской Федерации

В обозримом будущем значение этнонациональных характеристик в социальной организации РФ может только возрасти, так как административное деление России строится на асимметричных принципах, что вызывает постоянные политические, экономические и другие споры. Прежде всего среди субъектов выделяются республики и автономные образования (округа, области), носящие названия по национальному признаку и часто не имеющие большинства коренного для них этноса. При этом только Чукотский автономный округ не входит в область или край, в отличие от других автономных округов, несмотря на то, что они полноправные субъекты федерации. (До сих пор мы не имеем статистики общей безработицы по автономным округам; в изданиях Госкомстата не найти численности занятого в них населения; по ним не рассчитывается валовой региональный продукт и т.д.) Края же и области выделены по чисто географическому принципу, но могут иметь на своих территориях, по закону РФ, национально-культурные автономии, не имеющие и малой доли прав субъектов, будь то республика или административно (!) *входящий* в область автономный округ.

Столь сложное деление страны приводило к отставанию, если не к убогости, социальной статистики, и, например, до 1997 г. минимальные потребительские бюджеты для автономий не рассчитывались, хотя они были полноправными субъектами федерации, а принимались равными уровню края, области. В то же время миро-

Динамика младенческой смертности (сельское население), в ‰

Субъекты РФ	1990	1994	1995	1996	1998	% коренного населения*
Ненецкий АО	26,4	20,5	31,2	39,8	26,9	11,9
Коми-Пермяцкий АО	13,9	25,3	12,9	24,2	20,0	60,2
Ханты-Мансийский АО	21,0	18,2	33,0	22,3	23,0	1,6
Ямало-Ненецкий АО	25,3	26,1	28,2	26,9	28,8	4,2
Таймырский АО	27,3	39,0	38,9	18,3	27,2	13,2
Эвенкийский АО	36,2	18,1	24,2	37,1	40,4	14,0
Усть-Ордынский Бурятский АО	23,9	23,5	18,5	19,8	17,4	36,3
Агинский Бурятский АО	13,1	10,8	12,7	11,1	12,4	54,9
Чукотский АО	25,2	29,0	43,1	43,1	34,7	7,3
Корякский АО	12,0	23,3	30,4	41,6	36,4	16,4
Республика Коми	16,1	25,4	28,2	20,0	19,4	23,4
Республика Тыва	31,0	25,8	28,3	33,2	27,7	64,3
РФ в целом	18,3	20,1	19,8	19,4	18,3	–

* Данные переписи 1989 г. (все население), в Долгано-Ненецком АО – долганы и ненцы, в Республике Коми – коми и коми-пермяки.

Источники: Демографический ежегодник России. 1996. М., 1996. С. 255-267; Демографический ежегодник России. 1997. М., 1997. С. 254-266; Демографический ежегодник России. 1999. М., 1999. С. 192-204.

вой опыт показывает, что отдельные, но важные социальные индикаторы отражают прежде всего не экономическую, историческую и другую специфику развития, а этническую, и, следовательно, без учета этнонационального фактора эффективность социальных программ резко снижается, если не ставится вообще под сомнение.

Мы все должны четко осознать, что вариативность ценностных систем в российском обществе есть прежде всего результат большого числа различных этнокультур. Но как принимаются сами социально-экономические программы для национально-административных образований, в чем их отличие от таких же программ для других субъектов и главное – в чем отличие критериев их разработки и как эти критерии учитывают этнокультурный фактор? Ответ на последнюю часть вопроса остается открытым.

Этнологи называют семью домашним уровнем социальной организации общества. Наиболее важные объекты социальной политики – семья и дети, поэтому в систему социальной защиты любого развитого государства попадают, во-первых, семьи, имеющие несовершеннолетних детей, и во-вторых, семьи с недостаточными, низкими доходами, что ставит под сомнение возможность полноценной социализации детей без помощи общества.

Показатель младенческой смертности давно считается специалистами не столько демографическим, сколько важнейшим социальным показателем. Еще Р. Пресса⁷ предлагал делить все страны мира на развитые и развивающиеся по уровню этого показателя. Рассмотрим динамику показателя младенческой смертности в кризисные годы в автономных округах в сельской местности, предполагая, что там живет большинство коренного населения (indigenous people) (см. табл.1).

Прежде всего исключим из сравнения округа, где колебания вызваны конъюнктур-

ным характером (соотношение абсолютных чисел умерших и родившихся при малом числе событий), и поэтому выводы не могут быть достоверными. В Корякском округе при «всплеске» показателя в 1995 г. число умерших детей возросло лишь с 8 до 9 чел., на Чукотке число умерших в 1995 г. было даже ниже, чем в 1990 г. (17 и 20 соответственно), но из-за снижения числа родившихся более чем в 2 раза показатель резко возрос; хотя сохранение высокого уровня данного показателя в этих округах и в 1996 г. все же говорит об опасных тенденциях. В 1998 г. уровень младенческой смертности все еще превышал средний по стране более чем в 2 раза.

Среди остальных автономий можно выделить две довольно полярных группы: с очень высоким уровнем младенческой смертности, превышающим среднероссийский на почти четверть в 1995 г. и в 2,2 раза в 1998 г. (Эвенкия) или даже почти в 1,5 раза (Таймыр), и с более низким по сравнению со средним уровнем – тут особенно выделяются Агинский, Бурятский и Коми-Пермяцкий автономные округа (в последней ситуация в 1996 г. резко ухудшилась – абсолютное число умерших детей возросло в 1,8 раза, но в 1997–1998 гг. уровень опять понизился, хотя и оставался выше среднероссийского на 11%).

Заметим, что столь низкие показатели наблюдались лишь в сельской местности Самарской обл., а для сельской местности всех трех территорий (включая Бурятию), населенных бурятами, в середине 1990-х годов были характерны более низкий уровень смертности и тенденция к его снижению, в то время как в России к 1994 г. данный уровень, напротив, возрос на 10% по сравнению с 1990 г. Представляется, что это весьма важная характеристика социального развития этноса в указанные годы, тем более что только в Агинском Бурятском АО буряты составляют (насколько можно еще опираться на данные переписи населения 1989 г.) большинство населения.

Противоположную картину мы наблюдаем на территориях проживания ненцев, где в середине 1990-х годов уровень младенческой смертности значительно возрос. В Долгано-Ненецком АО этот показатель в течение нескольких лет оставался на очень высоком уровне (на уровне Мексики, Доминиканской Республики, Ливана). Резкое снижение младенческой смертности в Таймырском (Долгано-Ненецком) округе в 1996 г. пока не может рассматриваться как начало новой тенденции, так как для городского населения этот показатель, напротив, резко – в 1,5 раза – возрос, и главную роль при столь низких абсолютных цифрах умерших мог играть фактор недоучета. В 1998 г. младенческая смертность здесь вновь повысилась. Доля коренного населения на указанных территориях не высока – от 12 до 29% в сельской местности (без учета доли долганов). Но если придерживаться данных 1989 г. о доле городского населения среди ненцев, уровень и динамика показателя свидетельствуют о явном социальном неблагополучии среди народов Севера. Это видно и по динамике показателя в Ханты-Мансийском АО, где уровень младенческой смертности вырос на 81%, в то время как среди городского населения – лишь на 20%, хотя это тоже много.

Особенно прискорбны данные факты на фоне относительно благополучного развития экономики нефтеносных округов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого. Даже в относительно благополучном для российской экономики в целом 1997 г. средняя зарплата вместе с выплатами социального характера составляла в этих округах 339 и 433% по отношению к среднероссийской; иностранные инвестиции в 1995 г. были по объему выше или равны инвестициям в экономику Санкт-Петербурга (20-22 млн. долл. США за 6 мес.), но данный высокий уровень был связан только с топливной промышленностью, на которую приходилось 83 и 96% всего промышленного производства округов⁸. А что же получили коренные жители? Как развивалась социальная инфраструктура в местах их проживания и что происходило в эти годы с уровнем и качеством их жизни? Ответ на эти риторические вопросы может быть только отрицательным с учетом показателей младенческой смертности, свидетельствующих о неблагополучии в социальной динамике.

Не является ли желание не делиться экономическими выгодами с коренным населением истинной причиной нератификации названной конвенции?

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Субъекты РФ	1989-1990		1994		1995		1996		1998	
	м*	ж**	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Чукотский АО	57,54	69,17	61,50	69,61	58,39	68,62	57,76	69,07
Республика Коми	63,35	73,62	55,24	68,41	60,97	72,22	58,17	70,36	55,69	69,13
Республика Мордовия	65,04	75,78	60,40	73,34	62,82	74,77	62,89	74,43	61,18	74,41
Республика Калмыкия	62,48	73,15	60,67	72,29	61,09	72,02	61,44	72,55	59,75	71,78
Республика Кабардино-Балкария	65,68	76,09	62,58	74,79	62,88	74,96	62,77	74,65	62,63	74,88
Республика Удмуртия	63,89	74,37	56,67	70,28	61,70	73,46	58,79	72,61	57,47	71,35
Республика Тыва	57,33	67,75	49,01	63,15	52,60	64,78	49,46	62,44	49,69	62,93
РФ в целом	63,99	74,37	57,59	71,18	61,30	72,93	59,75	72,49	58,27	71,70

* м – мужчины, ** ж – женщины.

Источники: Демографический ежегодник. 1996. С. 104-113; Демографический ежегодник. 1997. С. 102-111; Демографический ежегодник. 1999. С. 101-110.

Кроме автономных округов самые высокие в РФ показатели младенческой смертности были в двух республиках, к социальному развитию которых также можно отнести все сделанные выше выводы с единственной оговоркой: положение в Коми значительно ухудшилось в середине 1990-х годов, а в Тыве социальный регресс наблюдается уже сравнительно длительный период, но никаких специальных мер федеральное правительство не принимает. Здесь не место для дискуссии, однако все так называемые программы государственной поддержки социально-экономического развития той или иной территории сводятся к трафаретному набору мер – это поставка оборудования для теле-, радиовещания, медоборудования, строительство телефонных станций и центров культуры и т.п. Мы не ставим под сомнение тот факт, что все указанное выше нужно. Вместе с тем возникают вопросы: что более важно для каждой территории, каковы критерии при ограниченности средств (которая с каждым годом только усиливается) и, наконец, учитываются хотя бы в одной программе потребности территории как таковой, а проблемы этнокультурного развития конкретных народов, социального развития отдельного этноса, проживающего на той или иной территории? Это была бы не дискриминация (назовем ее положительной), а насущно необходимый подход к решению проблем в полиэтническом государстве, переживающем системный кризис, от которого сейчас страдают все.

Наши в общем-то совершенно очевидные, если не сказать тривиальные, выводы можно было бы проверить на основе еще одного показателя, но, к сожалению, данные по ожидаемой продолжительности жизни по автономиям до 1997 г. не приводились (в табл.2 указаны сведения по ряду республик, Чукотскому АО и РФ в целом).

Средняя ожидаемая продолжительность жизни входит в число наиболее весомых социальных индикаторов, отражающих как общий уровень социально-экономических достижений, так и локальные уровни – развития системы здравоохранения, санитарно-гигиенической обстановки, экологической ситуации и т.п. Одновременно этот показатель входит в число важнейших при построении интегральных социальных показателей, к примеру, индексов развития человеческого потенциала, нищеты населения и др. К сожалению, трудно делать определенные выводы на основе неполной статистики. Например, кроме Чукотки данные по другим автономным округам отсутствуют. Мы выбрали для сравнения по одной республике из каждого субрегиона (Поволжье, Урал и др.). Вполне понятно, что во всех республиках Северного Кавказа (а не только в Кабардино-Балкарии) продолжительность жизни традиционно выше, чем в среднем по РФ, что связано прежде всего с национальными особенностями образа жизни. В то же время общее падение этого показателя в первой половине 1990-х годов, о причине которого демографы еще спорят, наблюдалось и в этих республиках, хотя оно было менее резким. В 1989–1994 гг. продолжительность жизни у мужчин сократилась на 5,72 года в среднем по РФ; в республиках Северного Кавказа – от 2,38 в Дагестане до 4,71 в Северной Осетии; у женщин – 2,67 в РФ и от 1,3 в Кабардино-Балкарии до 2,94 года в Северной Осетии.

Отрицательные тенденции скорее всего связаны с половыми различиями, но заметно и влияние, хотя и в меньшей мере, особенностей развития этноса. Так, при начавшемся в 1995 г. в России росте средней продолжительности жизни у мужчин в Адыгее этот показатель для города был более низким, а на селе продолжительность жизни уменьшалась; среди женского населения республики общероссийская тенденция роста наблюдалась как в городе, так и на селе. В Кабардино-Балкарии, напротив, продолжительность жизни в 1995 г. продолжала уменьшаться и у мужчин, и у женщин в городе, а на селе росла, однако в 1996 г. уменьшилась у обоих полов в сельской местности, как и у сельских женщин Ингушетии. Динамика показателей в республиках Коми и Тыва полностью согласуется с динамикой показателя младенческой смертности: если в начале 1990-х годов уровень ожидаемой продолжительности жизни был относительно благополучным (на 0,64 года у мужчин и на 0,75 у женщин ниже среднероссийского), то уже в 1995 г. он, снизившись более резко, чем по РФ в среднем, в сельской местности Тывы оказался уже на 8 (!) лет ниже среднероссийского для

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
(сельское население), лет**

Субъекты Федерации	Мужское население			Женское население			% коренного населения*
	1995	1996	1998	1995	1996	1998	
Чукотский АО	54,72	55,17	57,54	62,33	62,58	63,91	7,3
Республика Коми	55,05	55,91	58,74	68,54	69,37	71,18	23,4
Республика Мордовия	60,96	60,97	61,54	74,21	73,84	74,14	32,5
Республика Калмыкия	60,59	62,42	61,56	72,08	72,82	72,33	45,4
Республика Кабардино-Балкария	63,41	63,03	62,47	76,41	75,68	74,51	57,6
Республика Удмуртия	56,11	58,09	60,62	70,88	72,35	72,85	30,9
Республика Алтай	54,58	55,87	56,76	67,50	69,54	71,16	31,0
Республика Тыва	49,70	49,76	52,28	63,87	62,53	65,25	64,3
РФ в целом	57,70	58,44	59,9	71,50	71,85	72,32	—

* Коренное (титульное) население: доля во всем населении по переписи 1989 г.

Источники: Демографический ежегодник. 1996. С. 104–113; Демографический ежегодник. 1997. С. 102–111; Демографический ежегодник. 1999. С. 101–110.

мужчин и на 7,63 для женщин, а в 1996 г. эта негативная динамика продолжилась, хотя на подавляющем большинстве территорий наблюдался рост.

Начало роста (сразу довольно значительного) средней продолжительности жизни в 1995 г. не прогнозировал ни один демографический исследовательский центр (самые смелые прогнозы относили к 1997 г.). Для уяснения «этничности» картины посмотрим на годы роста этого показателя для сельского населения указанных выше субъектов, которое, как можно предположить, более однородно в этнонациональном аспекте (табл.3).

Динамика показателя ожидаемой продолжительности жизни свидетельствует о периоде социального регресса в середине 1990-х годов, которого не удалось избежать практически ни одному этносу нашей страны. В то же время значительные различия, которые мы связываем прежде всего с неодинаковостью их образа жизни (этнокультурный, национально-бытовой и другие факторы), отражали разную меру воздействия кризиса на социальную динамику.

С 1997 г. впервые в истории российской статистики стали публиковаться данные о продолжительности жизни по автономным округам. Для мужского населения по этому показателю выделяются прежде всего Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, в которых уровень значительно выше среднего по стране. Это связано, по нашему мнению, с высоким уровнем жизни населения, получающего в названных округах самую высокую оплату труда (в 3,1–3,9 раз выше среднероссийской), но не имеет никакого отношения в коренному населению, доля которого очень мала. В семи других автономных округах (данные по Чукотке рассмотрены выше), кроме Агинского Бурятского, показатели значительно ниже как для мужского, так и для женского населения. Крайне неблагоприятна ситуация в Коми-Пермяцком (–5,25 года по сравнению со средними по РФ для мужчин и –3,72 года для женщин), в Эвенкийском (–5,35 и –5,38), в Корякском (–5,06 и –7,3) округах. Также неблагоприятно, но с меньшим разрывом, положение в Усть-Ордынском (–3,91 и –2,35) автономном округе. Эти показатели свидетельствуют о неблагоприятной социально-экономической ситуации в

автономных округах и низком качестве жизни всего населения, в том числе коренного. Единственное исключение – Агинский Бурятский округ (+1,26 и -0,84), где продолжительность жизни мужчин выше, а женщин немного ниже средних показателей, что вполне согласуется с очень низким уровнем младенческой смертности, о чем говорилось выше⁹.

Все наши рассуждения могли бы приобрести более детальный характер, если бы российская демографическая статистика располагала данными в этническом разрезе. К сожалению, все эти надежды стали еще более неопределенными после отмены переписи в 1999 г. Первая всероссийская перепись населения (в границах 1992 г.) впервые в отечественной истории должна была включать вопросы о гражданстве и о самоидентификации принадлежности к национальности, народности или этнической группе. Хотя такая уникальная для этнологов возможность окончательно не утрачена, ее перенос за пределы заканчивающегося века и тысячелетия неизбежно приведет к многочисленным негативным последствиям, которые предугадать не может никто. В РФ находятся сотни тысяч, а по некоторым утверждениям (в том числе и ряда государственных органов) и миллионы неграждан России. Кто они и как собираются поступить в будущем: принять российское гражданство или вернуться в места прежнего проживания. Мы намеренно не употребляем слова «на родину», так как среди них большинство наших русскоязычных соотечественников, которые считают своей родиной советское пространство – это и не современная Россия, и не новое постсоветское государство, откуда они были вынуждены уехать и куда, может быть, через несколько лет захотят вернуться. Ряд вопросов к таким гражданам по новой переписи населения: о стране постоянного проживания, национальности, народности или этнической группе, цели приезда в Россию помогли бы спрогнозировать ситуацию, предвосхитить возможные эксцессы и просто пополнить наши этнонациональные знания. Но это, как ни странно, оказалось неинтересным и невостребованным российскими исполнительными и законодательными органами.

Этнос и государственная национальная политика

Эту самую важную на рубеже тысячелетий и болезненную для Российской Федерации тему необходимо затронуть в связи со значительным дрейфом* в понимании целей и задач национальной политики в последние два года и полной разорванности этих задач с задачами социальной политики государства. 1999 год стал годом начала действия в нашей стране европейской Конвенции о защите прав национальных меньшинств. И хотя конвенция носит рамочный характер, отсутствие в российском законодательстве соответствующего закона не столько подрывает авторитет власти, сколько свидетельствует о нежелании понять всю важность и глубину проблемы национальных меньшинств. Закон может быть принят теперь уже следующим составом парламента, но самая главная проблема этого закона – это его основная направленность и четкое для всех определение объекта. В послании президента РФ «Россия на рубеже веков» от 1999 г. национальная политика названа важнейшим инструментом укрепления федеративного государства¹⁰. С нашей точки зрения, это не просто отход от концепции государственной национальной политики, утвержденной 15 июня 1996 г., а усиление тех ее конъюнктурных положений, которые были вызваны опасением развала федерации. Концепция лишь учитывала необходимость обеспечения единства и целостности государства, а основной целью национальной политики являлось создание условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России. Названное послание по существу превращает национальную политику лишь в средство достижения цели – укрепления федеративного государства. Это видно и из перечисленных в послании проблем национальной политики на совре-

* Мы не хотели бы называть эти изменения целенаправленными действиями государственной власти, а считаем их скорее результатом столкновения, пересечения чьих-то интересов, субъективных и объективных обстоятельств.

менном этапе: межнациональный конфликт на Северном Кавказе и национальный экстремизм.

Налицо опасная тенденция подмены национальной политики решением конфликтных проблем на межнациональной почве. Национальная политика не может в принципе быть направленной на решение проблем сегодняшнего дня мерами временного характера, пусть и актуальными для страны. И утверждение комплекса мер в Северо-Кавказском регионе не сможет ничего изменить, если видеть quote явные различия между республиками Северного Кавказа, связанные с особенностями социального развития, и т.д. и даже этнодемографическими особенностями населяющих его народов. «Чтобы понять культурную идентичность другого народа, необходимо учитывать лежащую в основе его мировидения систему ценностей»¹¹, а как раз этого в государственном понимании национальных и межнациональных проблем остро не хватает.

Проиллюстрируем различия в «этнической ментальности» на примере социально сложного и болезненного феномена – внебрачной рождаемости. При отсутствии данных по этносам воспользуемся все тем же в какой-то мере допустимым предположением о большой национальной однородности сельского населения и посмотрим на показатели по сельской местности (тем более, что сельское мировоззрение более консервативно)¹². В целом по РФ доля родившихся детей у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, растет и в 1998 г. составила 27% среди всех родившихся. При этом самый высокий показатель был не в столичных областях или Москве и Санкт-Петербурге, как может предполагать обыденное мнение, а в Республике Коми, где данный показатель был выше среди городского населения почти на треть, а среди сельского – в 1,5 раза (или соответственно на 6,7 и 12,2 процентных пункта), чем в среднем по РФ (в 1998 г. в Ненецком АО он превысил 44%). Среди всех республик Волжского субрегиона (Волго-Вятский экономический район и Поволжье) наблюдается общая черта, отличающая их от субъектов федерации с преимущественно русским населением: здесь доля внебрачных детей на селе ниже, чем в городе, и значительно ниже (кроме Калмыкии), чем в среднем по стране, например, в Татарстане – в 2,2 раза.

И, наконец, Северо-Кавказский субрегион. В республиках Северная Осетия (33,9%) в 1998 г. и Ингушетия (30,2% в 1996 г. и 26,8% в 1997 г.) доля детей, родившихся вне брака в сельской местности, существенно выше, чем в среднем по России. В Дагестане и особенно в Кабардино-Балкарии она значительно ниже, в Адыгее равна, а в Карачаево-Черкесии близка к среднему показателям и показателям других субъектов до 1998 г. и ниже (22,8%) в 1998 г. Северо-Кавказского экономического района. Причем в Дагестане и Кабардино-Балкарии, как и в республиках Волжского субрегиона, данный показатель для села ниже, чем в городе, а в других республиках, наоборот, выше. Поскольку сельская ментальность – это во многом ментальность этноса, то различия между народами Северного Кавказа не подлежат сомнению, а следовательно, говорить о каком-то *едином* «арсенале социально-экономических, политических, информационных и культурно-просветительных шагов» по меньшей мере некорректно и непродуктивно. Тем более, что в самом президентском послании говорится, что «отношение к вопросам детства – лакмусовая бумажка всей социальной политики государства».

Примечания

¹ Независимая газета. Приложение «НГ-Сценарии». 1999. № 3. С. 7.

² Российский статистический ежегодник. 1998 г. М., 1998. С. 225; Социально-экономическое положение России, январь–март 1999 года. М., 1999. С. 218.

³ Социально-экономическое положение России ... С. 221–223.

⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 417.

⁵ Стопанни А.М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. 2-е изд. М., 1924.

⁶ Позиция автора статьи по этому вопросу изложена в документе: О ратификации Конвенции № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Материалы парламентских слушаний. М., 1995. С. 24–26.

⁷ *Пресса Р.* Народонаселение и его изучение (Демографический анализ). М., 1966.

⁸ Российский статистический ежегодник. М., 1995. С. 946.

⁹ Регионы России. 1998. Стат. сб. В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 58–59.

¹⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации). М., 1999.

¹¹ *Тишков В.А.* Единство и многообразие культур. Введение // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998. С. 12.

¹² Демографический ежегодник России. 1997. М., 1997. С. 229–238.

A.A. Tkachenko. Ethnosocial problems in the Russian Federation

The article gives its considerations to some aspects of ethnosocial development of Russia beginning from 1992. The author provides a detailed analysis of such problems as the State's social policy, ethnos in the social life of the Russia's state, social development of the subjects of the Russian Federation, ethnos and the nationalities policy of the State. He points out the necessity of conducting a more active social policy on the part of the State and achieving a greater degree of co-ordination in the sphere of social and nationalities policy.